

ДУША МОЯ В ДЕРЕВНЕ...

Людмила ГЛАЗКОВА, "ТГ"

Недавно мне посчастливилось столкнуться с известным российским писателем, ненадолго приехавшим в Москву из родных вологодских мест. Журналистский долг заставил взять у Василия Ивановича Белова интервью, на которое он согласился без особого энтузиазма. Литератор, а в недавнем прошлом - депутат высшего законодательного органа России, скромно сидел на парламентском диване в коридоре Госдумы и время от времени энергично досадовал на вездесущих фоторепортеров, норовящих наставить свою пушку прямо ему в лоб.

- Василий Иванович, чем вы сейчас заняты?

- У меня выходит книжка новых рассказов. Пытался издать "Голос", но нет денег. Пишу третью книгу своей "Хроники". Единственное, что меня смущает, - что вдохновение посещает реже.

- Значит, это бич не только поэтов в возрасте, но и прозаиков?

- Конечно. Мне 62 года, устал. А без вдохновения писатели не могут работать. Я думаю, что вымучивать ничего не надо.

- Где вы живете?

- Душа у меня в деревне, жена, книги и рукописи - в Вологде. Живу и там, и там. А Москва меня пока кормит очень скудно, если иметь в виду литературные труды. Журналистикой я тоже занимаюсь, публицистикой. Правда, ее негде печатать.

- Вы общаетесь со своими коллегами?

- Да. Вчера, например, с Распутиным чай попил. С Астафьевым не пил.

- Василий Иванович, как себя чувствует сегодня деревня?

- Она в черном состоянии.

Распутиным чай попил. С Астафьевым не пил. - Василий Иванович, как себя чувствует сегодня деревня? - Она в черном состоянии, наша северо-западная деревня. А настроение какое может быть, если на моей родине в прошлом году уже не пахали - не сеяли? Тысячу лет пахали и сеяли. В прошлом году первый раз пропустили. В нынешнем уже второй раз. Вы знаете, что происходит с землей, коли ничего с ней не делать? Вы слишком в городе далеки...

- Нехорошее, получается, для жизни качество. Боком выходит его обладателю. Как быть?

- Вы понимаете, когда меня бьют, мне жалко того, кто меня бьет. Да, себя меньше, чем его. Потому что он грешит. Ну, конечно, я ему буду сдачу давать сколько смогу. Но, однако, мне его жалко. И на этом свойстве русского человека многие спекулируют. Себе на пользу, в ущерб народу, который мало-помалу сегодня исчезает.

- Это философская проблема: что лучше - совсем как нация исчезнуть с лица земли или в себе что-то поправить...

- Мы не имеем даже права отвечать на этот вопрос. Что тут решишь? Это от Бога зависит.

- О, ну вы тогда просто фаталист.

- Не совсем. Я не толсто-вец, я за противление злу насильем. Вы Ильина читали? Я сторонник его подхода в этом вопросе. Он же полемизирует со Львом Николаевичем. Я могу жалеть своего личного врага, но не того, кто действует против моей страны и народа. Обязан не только ненавидеть, но и противостоять ему.

- Хорошо, а вот некто на ваших детей нападает. Вы

должны их защитить или тоже простите?

- Ну что делать? (Безнадежный взгляд в сторону фоторепортера, щелкающего затвором камеры). Я недавно поссорился с такой трубой. Дамочка устала ее на меня, просто в нос сует, я вот так рукой отвел, а она потом в милицию подала заявление, что я хулиган. Ну я не хочу, чтобы снимали! А он снимает. Не люблю...

- Вы известная личность, а публичность имеет свои издержки. Я ведь тоже не могла пройти мимо. Продолжим наш разговор. Во время своего депутатства вы вместе с академиком Федором Угловым боролись против тогдашнего "пьяного" бюджета. Теперь он у нас трезвый, а пьем мы гораздо больше, да только все доходы идут в чужие кошельки. Что скажете?

- Я выступал и выступаю за сухой закон.

- Считаете, что это возможно? В Америке-то он провалился с треском.

- Да причем тут Америка? Господи, оставьте вы ее в покое. Не буду объяснять разницу между США и Россией. Но я считаю, что спасти народ может только оздоровление. Конечно, это безобразия, когда власти допустили уход прибылей из государственного бюджета в иностранные карманы. Однако моя задача-максимум - это сухой закон.

- Чем же вы занимаетесь в свободное время?

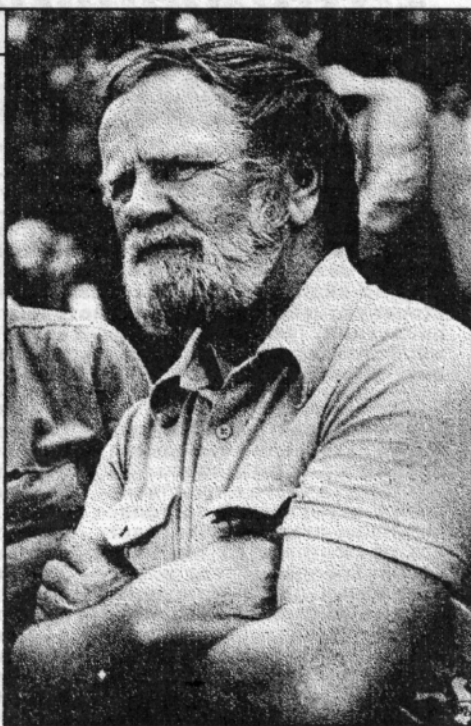
- Иногда даже живописью. Тянет последние несколько лет. Люблю природу. Пишу маслом. Я все люблю, стрелять, например, но нет времени. Сам своими руками все делаю по хозяйству, никого не зову, кроме специалистов по электронике. Недавно закрыл крышу шифером. Я могу все делать.

- Наверное, по грибы-ягоды ходите? Вологодские жители одержимы этой страстью.

- Хожу, хожу, правда, все леса вокруг деревни испохаблены и, кроме горечи, я ничего там не нахожу. Уже не пройти по тропинкам моего детства. Потому что лес сейчас никому не принадлежит, и его рубят все, кому не лень.

- Вы живете в деревне летом?

- Не только, и зимой. Там у меня родовой дом, материнский, собранный еще в прошлом веке. Деревня Тимониха называется, но от нее ничего уже не осталось. Четыре

старухи, два старика и два парня-пьяницы.

- Они не забывают о том, что вы писатель?

- Причем тут это? Будь так, меня бы никогда не заставили туда поехать. Я езжу туда как в родную деревню. Есть, конечно, такие, которые говорят: "Напиши мою жизнь". Но у меня сюжетов хватает. Возьми любую семью что в нашей, что в соседней деревне, любого мужика! Нет ни одного дома, где бы не было трагедии - в войне ли, позже ли, теперь. У кого сына убили, у кого отца. И часто с пьянством связано.

- Герой вашего "Привычного дела" - собирательный образ или имеет конкретный прототип?

- Ито, и другое, и третье. А вообще вопрос о прототипах - глупый вопрос. Не существует никаких прототипов, всегда присутствует то ли фантазия, то ли собирательность.

Один мой рассказ вызвал жуткий скандал, потому что я

использовал в нем прозвище человека. С тех пор не употребляю даже фамилий, даже действительных сюжетов - либо разбавляю, либо меняю территорию.

- Как ваш быт в деревне устроен? Где хлеб берете?

- Ездит к нам за 60 км фургон с хлебом два раза в неделю. В семи километрах имеется более солидный магазин. До Вологды 172 км. Половина дороги асфальтирована, и я за три часа могу добраться машиной. Правда, бензин слишком дорог. Моей пенсии не хватает. Достает только на дорогу в Москву - 120 тысяч купейный билет стоит.

- Семья у вас большая?

- Жена, дочь и все. С дочерью, ей 22 года, вечный спор о телевизоре. Она каждый день смотрит, а я борюсь с ней. Конечно, бороться трудно с телевидением. Да нет, никакой проблемы отцов и детей у нас нет. Как и в обществе. Это проблема надуманная. Нельзя противопоставлять старших младшим, женщин - мужчинам, городских - сельским. Нельзя разделять людей. Нехорошо это.

- Спасибо за беседу. Желаю вам частых визитов вдохновения.

Фото Александра СИЗУХИНА